
Н. В. Поньрко

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ ВЫГОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ШКОЛЫ

Выговская литературная школа, детище Выго-Лексинского старообрядческого общежития, основанного в 1694 г. в заонежских лесах в пору продолжавшегося гонения на старообрядцев, породила целую когорту плодотворных писателей, среди которых первыми были основатели монастыря братья Денисовы и их ученики и сотрудники: Мануил Петров, Даниил Матвеев, Трифон Петров, Иван Филиппов и др. Свое культурное строительство выговские старообрядцы затевали под знаком сохранения старых традиций. Они создали на Выгу в первой половине XVIII в. как бы государство в государстве — не только с прочным экономическим и общественным устройством, но и со многими институтами духовной культуры: системой образования, книжным делом, литературой, музыкой и т. д. Это был как бы малый образец той цивилизации, которая представлялась им идеалом и которую они связывали с допетровской Россией.

Приняв за точку отсчета XVII в., выговские писатели в качестве образца ориентировались на литературу второй половины XVII в. Своими духовными отцами они провозглашали вождей раннего старообрядчества: протопопа Аввакума, иноков Авраамия, Епифания и других «страдальцев за истинное благочестие». Естественно было бы ожидать, что эстетические вкусы столпов раннего старообрядчества оказались унаследованными их идейными преемниками. Но этого не случилось.

В русской литературе второй половины XVII в. выделяются два сугубо противоположных эстетических направления, существование которых было неразрывно связано с борьбой, развернувшейся вокруг церковной реформы. Одно из них представляли старообрядческие писатели, обличители никоновских «новин», другое — писатели официального лагеря, защитники церковной реформы. Кредо каждого направления охарактеризованы в книге А. М. Панченко «Русская стихотворная культура XVII в.»¹ Здесь как особенность писательской позиции Аввакума и его последователей отмечено неприятие ими «внешних» риторики и философии, признание писательства «по нужде» и в связи с этим

¹ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 167—209.

сознательная ориентация на просторечные формы. Об истоках их эстетической позиции можно судить по словам инок Авраамия из его «Христианоопасного щита веры»: «Буйством проповеди благоизволил бог верующих спасти, а не философством, ни риторством. И Ефрем Сирин глаголет: верну о Христе возможно препрети и раторов и философов, истинне противляющихся, кроме риторства и философства и грамматического учения. И преподобный Иоанн, Лествицу списавый, глаголет в своей книге, яко философское кичение чуждо смирения».² Что касается писателей «словесной» учености и постоянно полемизировали по этому поводу с писателями-старообрядцами.³

Если для направления Аввакума литературное умствование — грех и пагуба (Аввакум: «Не ищите риторики и философии, ни красноречия»),⁴ то для выговских писателей оно — благо. Выговцы, оставляя общеправославное разделение мудрости на «внешнюю» и «внутреннюю», дают целый поток панегирических определений «внешних» риторики и философии.

В одном из похвальных слов Андрею Денисову этому «поморскому отцу» ставится в заслугу то, что он «весь не точию Ветхий и Новый завет на языке носи и < . . . > богословская отец тайноучительства < . . . > но и внешних мудрец и софист многохитростных опех наказаний видетель» был.⁵ Семена же Денисова называют «внешнего любомудрия преискусным рачителем», пишут о его «неисчисленных любомудрия словесах, формах и схимах», «яже не токмо риторские красоты, но и духовныя пользы и сладости исполнена суть».⁶

Вот только несколько цитат из разных произведений поморских писателей, которые показывают их отношение к литературной образованности: «Всемудраго витийного искусства моления» (превозносятся способности Андрея как ратора); «проповеди и поучения < . . . > проповедающ < . . . > художественне с благоукрашениями риторскими в тропосах и схимах»; «наук яко духовных, тако и внешних позлащения» (речь идет о достоинствах Семена Денисова).⁷

В одном из выговских посланий читаем: «Что убо содею < . . . > елма < . . . > дивных златословия лишихся, благохудожественных восписаний скудствуя! < . . . > прочее малыми простословии за краткочасие многосуетнаго време не < . . . > возсылаю».⁸ Автор

² Цит. по: Там же. С. 97.

³ См.: Там же. С. 167—209.

⁴ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. Стб. 547. (РИБ. Т. 39). Ср.: «Списание» протопопа Аввакума Ф. М. Ртищеву (Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 387—389).

⁵ ИРЛИ, Дрвлекхранилище, колл. Перетца, № 474, л. 77.

⁶ Там же, л. 128—129.

⁷ Там же, л. 68, об., 199, об., 160.

⁸ ГПБ, Q.XV.15, XVIII в. Сборник выговских посланий и поздравлений, л. 69, об. (Ответное послание к приветствовавшим).

этих строк просил извинения за свою литературную безыскусность, потому что знал, что от человека пишущего его аудитория вправе ждать «благородных восписаний». «Не имею ни слова сладостна, ни глагола витийственна, сие же мое немотование молю прияти»,⁹ — насколько позиция старообрядца, питавшего эти слова, далека от позиции тех его предшественников по вере, кто в 1682 г., во время диспута в Грановитой палате, «немотуя», кричал «а — а — а».¹⁰ Тогда «немотованием» гордились, выражая с его помощью презрение к «внешней» мудрости; выговский же автор за свое «немотование» просил прощения и из кожи лез вон, чтобы приобщиться к словесной искусности.

Выговскими писателями витийство, риторика, философия, «словолюбие» всегда оценивались очень высоко. Больше того, премудрость и словесность ставились выговскими авторами в один ряд, между этими понятиями они как бы проводили знак равенства. Одна из выговских Риторик¹¹ содержит в своем вступлении следующий пассаж: «Колико есть добра и нецененна преражайшая премудрость < . . . > яко и премудрейший царь Соломон дражайше всех видимых славных вешеств предсудих ю быти, глаголя тако: „Предсудих ю паче скипетров и престолов < . . . > паче здравия и красоты возлюбих ю и предизбрах ю вместо света имети. . .“ Кто из земнородных не возрачительствует о стяжании ея < . . . > она учит правде и мужеству, целомудрию же и кротости < . . . > Ныне же вкратце чин оныя зде показуется. Порядок к сей предлежит в разсуждении словеснаго художества наиболее, от орфографии поступаая в этимологию, а от сего в синтаксис, в поэтику, в логику или в риторику < . . . > И тако для сего учения вкратце зде предлагается краткий сий и ясный новосочиненный в северных странах синтаксис, посем краткая и ясная приложена знатного российского ритора Феофана Прокоповича Риторика, а потом и сичиненная чрез риторския места нашим риторм Андреем Дионисиевичем предлагаются два Слова».¹² Здесь прямо сказано о том, что путь к премудрости лежит через познание «словеснаго художества». При этом выговский автор в качестве опоры избирает для себя ссылку на Книгу премудростей Соломона. Цитатами из Книги премудростей Соломона доказывали необходимость наук и просвещения писатели официального направления второй половины XVII в. Десять таких цитат предпослал своим виршам «Вручения привилия на Академию» Сильвестр Медведев.¹³ На слова из Книги премудростей Соломона («взыщите премудрость, да поживете») ссылался Павел Крутиц-

⁹ Там же, л. 71.

¹⁰ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в древней Руси. Л., 1984. С. 96—97.

¹¹ О том, какими Риториками пользовалась выговская литературная школа см.: Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154—162.

¹² БАН, собр. Дружинина, № 124 (155), л. 2—3, об.

¹³ См.: Панченко А. М. Указ. соч. С. 191.

кий, доказывая, как излагал впоследствии свой спор с ним протопп Аввакум, необходимость «научатися премудрости алманашной и звездочетию».¹⁴ Сам Аввакум категорически отвергал возможность толкования премудрости как «внешнего» знания («Писание глаголет: взыщите премудрость, да поживете, и исправите в ведении разум. Еже есть божия премудрость, — любви, милость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание, вся сия исправляти в ведении и разуме духовнем, и непримешивати блудень и похотей внешних к духовному жительству»)¹⁵.

Выговцы же толкование премудрости — условно говоря, по Павлу Крутицкому — принимали и развивали. «Мудрость» и «словесность» часто стоят рядом в их сочинениях, будь то торжественное слово в день тезоименитства настоятеля («разума светлостями себе облиставшаго и премудростию словес обогатившаго»; «нилоструйнаго источника словесности вашего сподобимся почерпсти малую каплю чистейшаго разума»)¹⁶ или послание благодетелю («дивно же есть сияющей премудрости < . . . > ибо чюдно источаеши златоукращенная словеса»)¹⁷.

Нельзя сказать, что выговским авторам было вовсе чуждо противопоставление «внешней» мудрости и божественного познания истины. Существует одна категория текстов, где такое противопоставление ими допускалось.

Выговскому писателю Михаилу Вышатину принадлежит догматический трактат «Бисер драгоценный», во вступлении к которому читаются следующие строки: «Ниже риторики навик, ниже философии учився когда, но на единого всемогущего Бога надежду возложив, могущая и немудрыя умудрити, поминая рекшаго, яко благоволи Бог буйством проповеди спасти верующая, и бует божие премудрее человек есть, и буия мира избра Бог, иже бо множицею совершенных муж оскуде, се отроча обрете, а еже премудрыя мимотече, невеждам открыся, а еже учителем утаися, учеником найдется. От сих причин благоволих малейшую часть о благочестии и правоверии, и о прочих вещах книжицу сию сочинити».¹⁸ Сразу бросается в глаза, что текст этот — один из вариантов распространенного в раннем старообрядчестве тезиса о превосходстве «бугея» невежества над «внешней» премудростью. Правда, как оказывается, у выговского автора он не оригинален, ибо заимствован почти дословно из предисловия «Книги о вере».¹⁹ Но, конечно, включать этот текст в свое сочинение автор мог, только разделяя высказанную в нем мысль.

Несколько иначе противопоставляются «внешняя» и истинная мудрость в двух других догматических трактатах поморских

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в. Стб. 492.

¹⁶ ГПБ, Q.XV.15, л. 12, об., 13.

¹⁷ Там же, л. 20, об.

¹⁸ Там же, Q.I.257, л. 14—14, об.

¹⁹ Ср.: Книга о вере. М., 1648. Л. 2, об.

писателей. Выговский иконописец и писатель Даниил Матвеев сочинил «Показательное списание. . .» на антистарообрядческие книги Жезл правления, Срижаль и Увет духовный. Во вступлении к этому пространному трактату о осьмиконечном кресте, сугубой аллилуйи, перстосложении и т. д. он обращался к читателям: «Вы убо, о церкви < . . . > богопослушнии чада < . . . > сего поданнаго обыскательнаго тризница (т. е. сего трактата, сего исследования. — Н. П.) зрители и видетели не лишайтесь быти < . . . > ни в лыстех (!) мужеских философского и витийскаго кичения, но в силе священных словес божественнаго Писания».²⁰

Противопоставление благочестивого невежества и возносящейся мирской мудрости содержится и в «Поморских ответах», краеугольном камне старообрядческой полемики. В ответе на 29-й вопрос Андрей Денисов писал: «В книжном правлении аще грубии и невежди не могут добре исправить, обаче могут готовому православию добре последовати. А плотскии и возносящиися мудрецы многожды готовому святых православию не могут со смирением последовати и разор и смущение могут таковыи устроити».²¹

Если Аввакум, уничтожая «внешнюю» мудрость, противопоставлял витийству идейных противников свою собственную проповедническую манеру, то выговские старообрядческие писатели XVIII в. противопоставляют мирским мудрецам только самое Священное писание и предание («готовое православие», «слова божественного писания»).

«Показательное списание», «Бисер драгоценный», «Поморские ответы» — суть богословско-полемические трактаты. Не имея другого примера из выговской литературы, где бы еще содержалось противопоставление «внешней» мудрости и божественного невежества, можно заключить, что богословско-полемические сочинения и были той единственной областью, где тезис раннего старообрядчества имел хождение, притом в преобразенном виде (цитату из «Бисера драгоценного» нельзя трактовать безоговорочно в применении к выговской школе из-за ее неоригинальности). «Внешней» мудрости здесь противопоставлялось не столько «буйство проповеди» божественного слова, сколько самое «божественное слово». Тем самым устранялся спор двух разных писательских начал.

В словесности Выга богословско-полемический трактат следует отнести к наименее «литературным» жанрам. Это было поле чистой богословской борьбы, куда не проникала так почитаемая на Выгу риторика.

Большая часть произведений раннего старообрядчества, где уничтожается «внешняя» мудрость, так или иначе имеет отношение к полемике. Это не случайно. Особенность той писательской по-

²⁰ ГНБ, Q.I.1077, XVIII в., л. 2.

²¹ См.: Поморские ответы. Мануиловский Николаевский монастырь, 1884. Л. 118.

зиции, на которой стоял Аввакум и писатели его школы, в том и заключалась, что была связана с известной литературной одноплановостью, которая и привела к преобладанию полемических и публицистических жанров в их творчестве. Легче всего это объяснить, пользуясь предложенным А. М. Панченко определением писательских типов.

Аввакум и авторы его круга принадлежат к «апостольскому» типу писателя, особенность которого заключается в том, что он не претендует на литературную искусность, напротив — отказывается от нее, поскольку его задачи больше, чем литературные, писательство для него — проповедание истины. Ранние старообрядцы — проповедники попоранной истины. Их писательство определялось, было вызвано этой миссией, но ею и ограничивалось. Здесь я не буду задаваться вопросом, считал ли Аввакум, что любая литературная деятельность может быть только писательством «по нужде», но бесспорно, что свое собственное творчество он расценивал именно так.²²

Выделение в истории русской литературы таких оппозиционных писательских типов, как «апостол» и «мастер» — это не простая научная абстракция новейшего времени. Как и всякое меткое наблюдение, оно зиждется на умении распознать давнюю историко-культурную традицию. Мысль о наличии разных писательских позиций формулировалась еще в XVII в.; формулировка опиралась на традиционное осознание разграниченности трех видов текстов христианской письменности: священного писания, творений отцов церкви и «человеческой» литературы простых смертных. В связи с таким пониманием Софроний Лихуд, например, находил нужным оговорить в своей Риторике существование трех видов риторики: «божественной» (апостолов и пророков), «ироической» (отцов церкви) и «человеческой». Определения, данные Софронием «божественной риторике», были очень близки к старообрядческому тезису о мудрости, проявляющейся в «буйстве проповеди». «Первая убо риторика есть божественная, не она по истине, яже взыскуется от школы, но она, яже движется от святого Духа всеильного Бога, иже едина и всякая детища творит ритору». ²³ Разница была лишь в том, что Софроний Лихуд называет среди «божественных риторов» пророков Моисея, Исаию, апостола Павла, а старообрядческие писатели круга Аввакума дерзнули себя самих причислить к этому типу. Софроний же Лихуд для себя и своих современников считал единственно приемлемой риторикой «человеческую», лишенную «небесного начала» и потому нуждающуюся в «правилах художественных». ²⁴ «Не ведаше же писания книжного, обаче премудр бе добрыми делы, яко превосходити ему премудрых книжников. И больши в нем бе разума, взыскующа Бога, паче неже в ищущих премудрости

²² Панченко А. М. Указ. соч. С. 191—193.

²³ ГПБ, Q.XV.8, л. 2.

²⁴ Там же, л. 2, об.—3.

века сего. Бысть бо яко един от тех, о нихже рече апостол: Буяя мира избра Бог, да премудрия посрамит».²⁵ Эти строки принадлежат не Аввакуму и не Авраамью. Их автор, собрат Софрония Лихуда по перу Димитрий Ростовский, писал так в 1689 г. о знаменитом христианском гимнографе Романе Сладкопевце. Тема о «буих мира», посрамляющих «премудрость века сего», была одной из основных исконных и традиционных христианских тем. К XVII в. она сделалась своего рода «общим местом».

В литературе раннего старообрядчества мысль, заключенная в этом «общем месте», снова ожила, став жизненным и писательским кредо.

Конфликт порождает тип писателя «по нужде». К первой половине XVII в. старообрядческий конфликт превращается в непреходящую проблему, а стало быть, до некоторой степени и в обыденную. Для сторонников старой веры на первый план выступает не проповедание истины, а задача самосохранения. Не оказавшись в состоянии «обратить» всю послениконовскую Россию, старообрядцы теперь не столько борются с ней, сколько противопоставляют ей самих себя. Пришло время культурного строительства. Тогда и был создан тот феномен, который мы называем выговской культурой. По словам выговского биографа, Андрей Денисов учил молодых писателей, предостерегая их от излишне ревностных сочинений: «Уже нам российских архиереев и философов никакою ревностию не поворотити будет в свое состояние < . . . > но, спасая, кийждо из нас да спасет душу свою. А к ним с почтением да отвечаем . . . > ибо не научити их сим хотяще, но точию себе оным доставити желаем в благоспасительный покой».²⁶

Приняв за точку отсчета XVII в., выговские писатели в качестве образца избрали пышную литературу второй половины XVII в., в создании которой подвизались их идейные противники. Они не расценивали этот факт как противоречие. Для доказательства истины веры остались полемические сочинения, а для второй жизненной задачи — сохранения себя как культурного феномена — традиционная литература со всем накопившимся в ней к концу XVII в. набором жанров, от традиционных житий до силлабических вирш на случай.

И в этот круг выговцы без тени сомнения приняли сочинения своих идейных врагов. Вирши Стефана Яворского «Взираи с прилежаньем, тленный человек» помещались в выговских сборниках стихов по соседству со стихами Андрея Денисова «Увеселение есть юноши премудрость», написавшего в свое время «Обличение на книжицу Стефана Яворского об антихристе». Так же переписывался выговскими книжниками из рукописи в рукопись и

²⁵ Четьи Миней Димитрия Ростовского. 1689. Сентябрь—ноябрь. Л. 202, об.

²⁶ БАН, собр. Дружинина, № 647 (689). Житие Андрея Денисова, л. 170, об.—171.

духовный стих о царевиче Иоасафе, сочиненный автором антистарообрядческого «Жезла правления» Симеоном Полоцким.²⁷

Возможно, эти стихи воспринимались на Выгу как анонимные. Но вот чего нельзя сказать об учебниках риторики, которые во всем своем множестве, накопившемся в первой половине XVIII в., усиленно изучались и переписывались выговцами,²⁸ так это того, что переписчикам не были известны имена их авторов: Софрония Лихуда, Стефана Яворского, Козьмы Афоноверского и др.

Лиц, которых выговские старообрядческие деятели считали первейшими своими идейными противниками, они одновременно могли бы назвать своими главными литературными учителями. В отличие от Аввакума, они отделяли веру от культуры и потому могли назвать никонианина, гонителя старообрядцев Феофана Прокоповича «знатным российским ритором».²⁹ Этот новообрядческий архиерей был для выговцев идейным врагом и литературным учителем вместе. Даже гонитель Дмитрий Ростовский, автор «Розыска о раскольничьей брынской вере», попал в литературные наставники к выговцам. Не что иное, как самый «Розыск» был использован поморцами по части литературного ученичества. В своем антистарообрядческом трактате Дмитрий Ростовский поместил в полемических целях раздел о четырех способах толкования священного Писания — «Како толкуются та, яже требуют толкования».³⁰ Четырем способам толкования Писания в это время посвящались разделы учебников риторики (см., например, разделы «Риторической руки» Стефана Яворского и Риторике Андрея Белобоцкого). Выговцы, усердно постигая риторику, переписывая и заучивая все известные ее учебники, не упустили и отрывка из отнюдь не учебного трактата Дмитрия Ростовского. Раздел «Како толкуются та, яже требуют толкования» был переписан учениками Семена Денисова в сборник упражнений по риторике,³¹ а затем включен в сводный выговский учебник риторики.³²

²⁷ ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 104, 111.

²⁸ См.: *Поньрко Н. В.* Указ. соч. С. 154—162.

²⁹ См. предисловие к Риторике БАН, собр. Дружинина, № 124 (155), л. 3, об.

³⁰ *Дмитрий Ростовский.* Розыск о раскольничьей брынской вере. Киево-Печерская лавра, 1877. Л. 192—196, об.

³¹ ГПБ, Q.XVII.51, рукопись 1725 г. л. 19—24, об. Кроме отрывка из «Розыска» здесь представлены выписки из «Риторической руки» Стефана Яворского, переписаны примеры на фесис и ипофесис, даны определения отдельных тропов и примеры их. Несколько Слов написаны с разделением на отдельные риторические «места». Сборник написан несколькими почерками и среди них: автографы Семена Денисова (л. 9, 40—41, об.), Даниила Викулина (л. 179—185, об.), Дмитрия Ерофеева (л. 1—6, об., 42—45), неизвестного нам по имени ученика Семена (л. 26—39, 53—58, об., 88—95, об., 102—105, 108—112), почерк которого встречается еще в одной выговской учебной рукописи (Грамматика, БАН, собр. Дружинина, № 299 (345)) в сопровождении руки Семена Денисова. Характер мелких вставок, проделанных рукой Семена в сборнике, говорит о том, что это права учителя (например: «Под сия место оставить, понеже сам напишу» и т. д. и т. п.).

³² БАН, собр. Дружинина, № 122 (153), 20-е гг. XVIII в., л. 462—469, об.

Когда Андрей Денисов, создавая свою редакцию Великой науки Раймунда Люллия, написал в ней: «Мудрость внешней философии есть свободных наук наставление: грамматическое, риторическое, философское, яже суть полезно в гражданстве и к духовному наставлению < . . . > Внешняя мудрость в святом писании уничтожается за неправое употребление держащих ю, а не оно самое разумение, естеству человеку Богом дарованное»,³³ — то в его словах запечатлелось как признание этой мудрости, так и отголоски полемики с каким-то лицом, по-другому относящимся к «мудрости внешней философии».³⁴ Поморский писатель в данном случае находился в зависимости от автора Великой науки (хотя ее текст подвергнут им редактированию), но, бесспорно, выговский редактор разделял взгляды, высказанные в перерабатываемом им сочинении. Тем лицом, с кем полемизировал в свое время автор Великой науки, были первые старообрядцы и их предшественники по Книге о вере. Пойдя в литературные ученики к официальной школе XVII в., выговцы повторили, таким образом, слова, направленные против писательской позиции своих идейных отцов.

³³ ГПБ, собр. Тихановское, № 659, л. 144—144, об.

³⁴ О русском авторе Великой науки Раймунда Люллия см.: *Зубов В. П.* К истории русского ораторского искусства конца XVII—первой половины XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 292; *Горфункель А. Х.* Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—начала XVIII в. // Там же. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 193—194. Известно, что Андрей Денисов сократил Великую науку в целях сделать ее более популярной среди выговских читателей. См.: *Никанор, архимандрит.* «Великая наука Раймунда Люллия» в сокращении Андрея Денисова // ИОРЯС. Спб., 1913. Т. 18, кн. 2. С. 10—36; *Дружинин В. Г.* К вопросу об авторе сокращения «Великой науки Раймунда Люллия» // Там же. 1914. Т. 19, кн. 1. С. 342—344.